

Князь Д.В. Голицын в документах и мемуарах участников Бородинского сражения

Просматривая документы по истории Отечественной войны и мемуары участников Бородинского сражения, невольно обращаешь внимание на тот факт, что имя князя Дмитрия Владимировича Голицына упоминается очень редко. Удивительно это еще и потому, что в русской армии он занимал важные посты и начальствовал над крупными воинскими силами. Голицын был не только храбрым боевым генералом, но и крупным теоретиком кавалерии. В чем же кроется причина такого замалчивания его имени ?

Напомним, что Д.В. Голицын до 1812 г. уже имел большой опыт участия в наполеоновских войнах. Так, в сражении под Голымином 14 декабря 1806 г. его дивизия оказалась отрезанной от главных сил армии и была окружена французами. Продолжительное время Голицыну пришлось сдерживать французские войска под предводительством самого Наполеона, которым в конечном итоге досталось место битвы, а русским — слава. Еще в 1805 г. вышел в свет нашумевший в свое время коллективный труд офицеров Кирасирского военного ордена полка под руководством кн. Голицына «Опыт наставлений, касающихся до экзерциций и маневров кавадорийского полка», где высказывались смелые мысли, противоречащие «Уставу конного полка» (1796 г.). Этот труд пользовался большой популярностью в армии и вскоре стал библиографической редкостью.

Во время русско-шведской войны 1808-1809 гг. Д.В. Голицыну принадлежал дерзкий план перехода по льду Ботнического залива, что оказалось решающим фактором победы над Швецией. По словам военного историка А.А. Керсновского, этот переход «по справедливости может считаться одной из славнейших страниц нашей военной истории»ⁱ.

Однако лавры победителя достались не автору операции, а его исполнителю, подчиненному князя — М.Б. Барклаю де Толли. Возникшие по этому поводу обстоятельства награждения, о которых сейчас хорошо известно военным историкам, заставили Д.В. Голицына подать в отставку. Эта отставка стала своеобразным протестом против своеволия Александра I, который не только нарушил принцип чинопроизводства, но и посягнул на дворянское достоинство князя. В знак протеста в отставку вышли более десяти видных военачальников. Этот случай навсегда запомнил Александр I, припомнив заодно и ошибки молодости князя, когда тот в дни Французской революции 1789 г. участвовал в штурме Бастилии и громко говорил о свободе. Теперь становится ясным, почему мемуаристы начала XIX в. при упоминании имени князя Д.В. Голицына осторожно поясняли, что «при императоре Александре Павловиче князь Голицын был что то не в особой милости...»ⁱⁱ

В действующую армию Дмитрий Владимирович, по непонятным причинам, смог вернуться только после назначения Главнокомандующим М.И. Кутузова. Для последнего прибытие опытного и известного кавалерийского военачальника с репутацией честного человека было, по-видимому, приятным событием, ибо в приказе по армиям 20 августа 1812 г. Кутузов па радостях назвал Д.В. Голицына первым, а не 5-м, как он числился до отставки. Хотя известно, что Голицыным — первым в кампании 1812 г. значился Александр Яковлевич Голицын командир 2-го эскадрона лейб-гв. Конного полкаⁱⁱⁱ. В этом же приказе значилось: прибывшие к армии «генерал лейтенанты князь Голицын 1-й и Голицын 2-й определяются: 1-й во 2-ю, а 2-й в 1-ю Западные армии»^{iv}. Из документа видно, что Кутузов не только вспомнил о размолвках Дмитрия Владимировича с Барклаем, но и то, что Орденский Кирасирский полк, шефом которого долгое время был Голицын, входил в состав

этой армии. Голицыным 2-м в приказе обозначен родной старший брат Дмитрия Владимировича — Борис Владимирович, который генеральский чин получил несколько раньше своего брата. Отметим, что высочайшее распоряжение о зачислении обоих Голицыных в армию последовало лишь 31 августа, уже после Бородинского сражения, когда один из них уже лежал на смертном одре, другой стал героем Бородина, а русская армия уже находилась в 40 верстах от Москвы в имении Вяземы, принадлежащем Борису, а потом Дмитрию Голицыным.

Через день, 22 августа, после возвращения Д.В. Голицына в армию, П.И. Багратион поручает «г. генерал-лейтенанту князю Голицыну 2-му командовать всею регулярною кавалерией, предводительствуемой мною 2-й Западной армии, к которому и относится опой обо всем по делам службы»^v. Это назначение было не случайным, так как Д.В. Голицын в армии в то время считался лучшим кавалерийским генералом. Знаток кавалерийского дела генерал-лейтенант граф Д.Б. Остен-Сакен в своем труде «О некоторых предметах военного дела», вышедшем в 1832 г., подтверждает этот факт: «Между тем, были у нас единицы отличных ездоков. Я назову трех: шеф Кирасирского Военного Ордена полка князь Дмитрий Владимирович Голицын, после него шеф того же полка граф Андрей Иванович Гудович, шеф Павловского драгунского полка барон Федор Карлович Корф. В этих отличных полках была по тогдашнему времени и порядочная езда»^{vi}.

Но перед Шевардинским сражением Голицын получает новое назначение. В диспозиции на 24 августа значится: «Генерал-лейтенант князь Голицын 1-й командует 1-ю и 2-ю Кирасирскими дивизиями, коих соединить вместе в колоннах за 5-м корпусом»^{vii}. Если припомнить, что 1-я Кирасирская дивизия входила в состав 1-й армии, а 2-я — в состав 2-й армии, то станет ясно, что М.И. Кутузов самую мощную часть конницы для оперативного руководства подчинил непосредственно себе через верного и опытного генерала Д.В. Голицына. Этот шаг вполне оправдал себя в ходе сражения.

А.И. Михайловский-Данилевский так описывает действия князя: «Кутузов приказал лично князю Голицыну отправить туда 2-ю Кирасирскую дивизию. Прибыв к назначенному месту, князь Голицын поставил дивизию в резерве, выжидая удобного случая для нападения. Когда после упорной битвы с нашею пехотою французы уже во мраке ночи двинулись в последний раз на редут и были разбиты дивизией Неверовского, атака кирасиров довершила их расстройство; пять орудий было схвачено кирасирами»^{viii}. В официальном издании «Описание битвы при с. Бородине» уточняется, что «кирасирские полки Екатеринославский, Орденский, Глуховский и Малороссийский быстрою атакою довершили его поражение»^{ix}.

Любопытно заметить: во всех документах, где описываются сражения 24 и 26 августа, отмечено то обстоятельство, что русская конница не сдала французам ни одной своей позиции. «В каких бы тяжелых условиях ни находились полки нашей конницы во время боя: стояли ли в прикрытии батарей, под ядрами и пулями неприятельскими, рубились ли с налета с французскими латниками, всегда дело кончалось блестящим отражением атак неприятеля»^x. И в этом немалая заслуга кн. Д.В. Голицына.

В день Бородинского сражения под начальством Д.В. Голицына находились 1-я и 2-я Кирасирские дивизии, объединенные в Кирасирский корпус, и 4-й кавалерийский корпус генерал-майора графа К.К. Сиверса. В самой битве под командованием князя участвовали все 10 кирасирских полков, существовавших тогда в России. Следовательно, французам противостояло 40 эскадронов, или около 5000 русских латников. Пожалуй, это была самая крупная и значительная битва, где кирасиры оказали определяющее влияние на исход сражения; одновременно Бородино стало «лебединой песней» этого рода войск, которым командовал Д.В. Голицын. Как ни странно, несмотря на детальную изученность

Бородинского сражения, как в дореволюционной, так и в современной историографии нет специального исследования о действиях русской конницы в этой битве. Единственный очерк Н. Иванова «Русская конница в великой Бородинской битве», вышедший в Одессе в 1912 г., к сожалению, не дает полной картины участия кирасир в Бородинском сражении. На беду наших историков, источниковедческая база здесь очень слабая, так как наиболее видные кирасирские военачальники — кн. Д.В. Голицын и И.М. Дука— не составили рапорты о сражении. О действиях этого рода войск в Бородинской битве можно судить лишь по рапортам генералов А.В. Розена, Н.М. Бороздина, описанию сражения, составленного А.И. Михайловским-Данилевским, и эпизодическим свидетельствам участников Бородинской битвы.

В «Описании битвы при с. Бородине» (1839 г.) приводятся лишь сухие факты. Тем не менее здесь упомянуто имя Д.В. Голицына: «Едва лишь показались они из леса, генерал-лейтенант кн. Голицын с кирасирскими полками, имея за собой в подкреплении 4-ю пехотную дивизию генерал-майора принца Евгения Вюртембергского, подошедшую от 2-го корпуса, атаковал головы неприятельских колонн и, рассеяв их, прогнал обратно в лес...»^{xi} Действия Д.В. Голицына в этот момент в донесении Александру I М.И. Кутузов описывает более детально: «После сей неудачи французы, приняв несколькими колоннами как пехотными, так и кавалерийскими вправо, решались обойти наши батареи. Едва появились они из лесу, как генерал-лейтенант князь Голицын, командовавший кирасирскими дивизиями, влево от Третьей пехотной дивизии находившимися, приказал генерал-майору Бороздину и генерал-майору Дуке ударить на неприятеля. Вмиг был он обращен в бегство и принужден скрыться в лес, откуда хотя несколько раз потом и показывался, но всегда был с уроном прогоняем»^{xii}. Этот эпизод очень образно изобразил и в своем «Очерке Бородинского сражения» участник битвы Ф.Н. Глинка: «А между тем в том важном промежутке, в тех незапертых воротах, между левым крылом; главною линиею на протяжении целой версты уже давно разъезжал витязь стройный, сановитый. Кирасирский мундир и воинственна, осанка отличали его от толпы в этой картине наскоков и схваток.

Всякий, кто знал ближе приятность его права и душевные качества, не обинуясь, готов был причесть его к вождям благороднейших времен рыцарских, но никто не мог предугадать тогда, ч. этот воин, неуступчивый, твердый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судиею мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всеожжение за спасение России!! Это был князь Дмитрий Владимирович Голицын! С помощью дивизии принца Евгения он отстоял равнину слева от деревни Семеновской, живые стены нашей конницы заменили окопы, которых тут не успели насыпать...Все толпы неприятельские разлагались на палашах кирасир...Уже выказали обе колонны из лесу свои головы, но кирасиры князя Голицына отсекали те головы»^{xiii}.

Высокую оценку действиям кирасир кн. Голицына дал А.П. Ермолов в своих «Записках». Не отмечая имени князя, он писал: «Кирасирские полки неоднократно обращали сильнейшую кавалерию до самых батарей, за которыми находила она спасение, С отличным мужеством атаковали полки Лейб гвардии Кавалергардский и Конный, Лейб-Кирасирский Его Величества, полки 2-й Кирасирской дивизии покрыли себя славой»^{xiv}.

А.И. Михайловский Данилевский отмечал, что «во время кровавой, беспримерной битвы, князь Голицын распоряжался отборным войском с обычным хладнокровием своим»^{xv}.

В представлении к награждению Д.В. Голицына за участие в Бородинском

сражении значилось: «Командуя обеими кирасирскими дивизиями, делал неоднократные удачные атаки против неприятельской конницы, истребил часть оной»^{xvi}. А в Высочайшем приказе от 13 апреля 1813 г., касающемся действий кирасирских полков, отмечалось: «Твердые ряды служили верным оплотом противу сил неприятеля; храбрость и быстрота их предшествовали победам...»^{xvii} Сам же Дмитрий Владимирович, вспоминая Бородинское сражение, в рапорте вел. кн. Константину Павловичу 25 декабря 1812 г. так оценил действия вверенных ему сил: «В продолжении кампании кровавые и жестокие битвы, увенчанные победами, сопровождаемые славою и истреблением врага, все без изъятия ознаменованы отличною храбростию и знаменитыми подвигами Кирасирского корпуса. Ни буйственным стремлением, ни превосходством сил, ниже самую артиллерию, никогда он побежден и расстроен не был, но по справедливости служил твердым оплотом, надеждою и новым поощрением к бою тесным и отступающим рядам нашим...Полки Кавалергардский и Лейб-гвардии Конный в самом жару сражения и буйства нападающего неприятеля хвалиться могут спасением линий наших от поражения при Бородине 26 августа. Под сильными картечными выстрелами, неоднократно вновь устроившись, возобновляли атаку, удерживали собою стремление неприятеля и истребили его...Каждая Кирасирская атака поправляла дело! Храбрость кирасир увенчана была поражением неприятеля. Описания происходивших действий и неоднократная благодарность главнокомандующего в том свидетельствуют»^{xviii}.

За участие в Бородинском сражении князь Д.В. Голицын был представлен к награждению орденом св. Георгия III кл., но этим орденом он был уже награжден за Голымин. Таким образом, Голицын так и не получил награду за Бородинское сражение.

Авраам Сергеевич Норов (1795-1869), участник Бородинского сражения, будущий министр народного просвещения, в своих воспоминаниях восклицает: «Могут ли когда умереть в памяти россиян вместе с Румянцевым и Суворовым имена Кутузова, Багратиона, Барклая, Милорадовича...Беннигсена...Платова... Исчисляем только главных деятелей войны 1812 года... Сколько же таких генералов, как: Кульнев, Дорохов, Иловайский, Уваров, Бороздин...Левенштерн, Лихачев, Кретов, Дука...князь Голицын...»^{xix}

Даже в этом перечислении имя Голицына стоит почти в конце второго списка. Может быть, прав был брат Д.В. Голицына — генерал-лейтенант Борис Владимирович, смертельно раненный в Бородинском сражении, который на смертном одре в письме к матери Наталье Петровне писал: «Именно Дмитрий там отличился блестяще...В сражении от 26 числа его кирасиры сделали чудо. Но так как он слишком смирен и никогда не ходит в штаб-квартиру, я держал бы пари, что будут еще превозносить Милорадовича, который все делал наспех, и казака Платова, делавшего глупости в течение всей кампании, но которые всегда около тех, кто пишет донесения...не вознаграждения монархов я требую для него; уважение и доверие, которыми он пользуется в армии, достаточны... и они являются достойным вознаграждением; я прошу Бога сохранить его нам и оставить его целым и невредимым»^{xx}.

Но скорее всего, замалчивание имени Д.В. Голицына было связано не с тем, что он вступил в армию накануне Бородинского сражения, и не с тем, что действия кавалерии были менее значительны по сравнению с пехотными полками, и даже не из-за личной скромности князя. Пожалуй, истинной причиной этого было отношение к нему Александра I после «недоумений» 1809 г. А обиды государь никогда не прощал.

Память о Дмитрие Владимировиче как честном и храбром герое 1812 г. должна была исчезнуть после того, как он в 1820 г. был назначен на пост московского генерал-губернатора. Заслуги гражданские должны были заслонить заслуги военные. Вспомним хотя бы случай с петербургским генерал-губернатором Милорадовичем или

московским А.П. Тормасовым.

Тем не менее любой участник Бородинского сражения мог бы подписаться под словами генерала Беннигсена, сказанными еще в 1807 г. о князе: «Свидетельствовал о таком генерале, которого редкие дарования, мужество и благоразумие много содействовало к успешному действию нашего оружия»^{xxi}.

Примечания

- ⁱ Керсновский А.А. История русской армии. Т. I. М., 1992, с. 243.
- ⁱⁱ Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Л., 1989, с. 185.
- ⁱⁱⁱ Полный список шефов, полковых командиров и офицеров Лейб-гвардии Конного полка с 1731 по 1864 гг. СПб., 1864, с. 176; Кавалергарды и Конная гвардия в день Бородинского сражения. СПб., 1912, с. 3-4.
- ^{iv} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 16. СПб., 1911, с. 88-89 (№108).
- ^v Там же, с. 94 (№115).
- ^{vi} Григорович М.И. Мысли о кавалерии князя Д.В. Голицына. СПб., 1914, с. 4.
- ^{vii} Описание битвы при с.Бородине. СПб., 1839, с. 54.
- ^{viii} Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники. Т. 8. СПб., 1846, с. 5.
- ^{ix} Описание битвы при с. Бородине, с. 6.
- ^x Иванов Н. 1812 год. Русская конница в великой Бородинской битве. Одесса, 1912. С. 80.
- ^{xi} Описание битвы при с.Бородине, с. 39.
- ^{xii} Кутузов М.И. Сб. документов. Т. IV, ч. 1-2. М., 1954-1955, с. 412.
- ^{xiii} Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения//1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987, с. 3 66.
- ^{xiv} Ермолов А.П. Из записок об Отечественной войне 18,12 г.//России двинулись сыны. М., 1988, с. 70.
- ^{xv} Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 6.
- ^{xvi} Кутузов М.И. Сб. документов, с. 199.
- ^{xvii} История Лейб-гвардии Кирасирского Его Императорского Величества полка. СПб., 1833, с. 77.
- ^{xviii} Шереметев Л. Вяземы. ПТг., 1916, с. 241-242.
- ^{xix} Норов А.С. Воспоминания//России двинулись сыны, с. 363.
- ^{xx} Шереметев Я. Указ. соч., с. 166.
- ^{xxi} Очерк жизни св .князя Д. В.Голицына. М., 1845, с. 14-15.